

— Что-жь! пожалуй лучше тебѣ отдохнуть сегодня утромъ. Я приду тебя навѣстить днемъ.

И поцѣловавъ дочь въ лобъ, ушла къ себѣ, чтобы одѣться, уже совсѣмъ успокоившись.

Иветта, какъ только мать вышла, встала съ постели, подбѣжала къ двери и заперла ее на ключъ, чтобы быть одной, совсѣмъ одной. И затѣмъ принялась думать.

Горничная постучалась около одиннадцати часовъ и сказала сквозь дверь:

— Маркиза приказала спросить, не надо ли вамъ чего и что вы желаете кушать за завтракомъ.

Иветта отвѣчала:

— Я не хочу ѣсть. Прошу объ одномъ: чтобы меня не беспокоили.

И осталась лежать въ постели, точно была очень больна.

Около трехъ часовъ снова постучались.

Она спросила: — кто тамъ? И голосъ матери отвѣчалъ: — это я, милая. Пришла узнать, какъ ты себя чувствуешь?

Иветта съ минуту колебалась: — что ей дѣлать? — Потомъ открыла дверь и опять улеглась въ постель. Маркиза подошла и, говоря вполголоса, какъ съ больной, спросила:

— Ну, лучше ли тебѣ? не хочешь ли скушать яичко?

— Нѣтъ, благодарю, ничего не хочу.

М-ме Обарди сѣла на кровать и обѣ молчали. Наконецъ, она спросила дочь, лежавшую неподвижно, скрестивъ руки на одѣялѣ:

— Ты развѣ не встанешь?

Иветта отвѣчала:

— Да, сейчасъ.

И продолжала серьезнымъ и медленнымъ голосомъ:

— Я много думала, мамаша, и вотъ... вотъ мое рѣшеніе. Прошлое остается прошлымъ, не будемъ о немъ говорить. Но будущее будетъ иное, или... или же я знаю, что сдѣлаю. А теперь довольно объ этомъ.

Маркиза, думавшая, что всѣ объясненія уже кончены, почувствовала нѣкоторую досаду. Право же, эта исторія уже надоѣла. Этой взрослой дурѣ слѣдовало давнымъ давно догадаться, въ чемъ дѣло. Но она ничего не сказала и только повторила:

— Такъ ты встанешь?

— Да сейчасъ.

Тогда мать стала служить ей вмѣсто горничной, принесла ей чулки, корсетъ, платье, потомъ поцѣловала, говоря: